

ПРАВА УЧРЕДИТЕЛЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА И НА ИНИЦИИРОВАНИЕ ЕГО ЛИКВИДАЦИИ: границы реализации

УДК 346:347

✎ МИХАЙЛОВ Д. И.,

докторант кафедры хозяйственного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

Dimin.Mitr@yandex.by

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится системный анализ правовых норм о статусе фонда, которые регулируют правомочие учредителя по формированию правления (совета), являющегося высшим органом управления, а также по инициированию ликвидации данной некоммерческой организации в судебном порядке. Обосновывается вывод о возникновении права учредителя на обращение в суд с заявлением о ликвидации фонда в связи с невозможностью достижения уставных целей. Уделяется внимание проблеме установления факта утраты возможности достижения уставных целей фонда вследствие злоупотребления учредителем правом на изменение состава правления.

Ключевые слова: фонд, учредитель, юридическое лицо, некоммерческая организация, инвестиции, органы управления, правление, формирование, изменение состава, ликвидация.

ВВЕДЕНИЕ

Правовой статус фондов определяется ст.ст. 118 и 119 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) и нормами Положения о создании, деятельности и ликвидации фондов в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 302 (далее – Положение о фондах). В содержании данных правил не имеется достаточной определенности относительно наличия или отсутствия у учредителя фонда права на изменение состава правления и прекращение полномочий его членов, а также оснований для обращения в суд с заявлением о ликвидации фонда.

В соответствии с ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК правление (совет) фонда является высшим коллегиальным органом, формируемым его учредителями (учредителем).

При этом из содержания указанной нормы напрямую не вытекает ответ на вопрос о наделении или ненаделении учредителя правом не только на формирование правления при создании фонда, но также на изменение состава правления (совета) и прекращение полномочий его членов уже после государственной регистрации. На первый взгляд, с буквальной точки зрения, а также исходя из принципа дозволительной направленности регулирования

корпоративных отношений, отсутствие в нормах ГК каких-либо конкретизирующих положений о периоде, порядке и правовых границах реализации правомочия учредителей (учредителя) фонда по формированию правления означает наличие у учредителя фонда права как на первоначальное формирование правления, так и на последующее изменение его состава. Однако согласно нормам ГК о статусе фонда учредителю не предоставляется право на единовременное прекращение полномочий как всех членов правления (совета) фонда, так и отдельных его членов, что означает отсутствие прямого наделения учредителя правом на изменение состава высшего органа соответствующей организации.

В нормах законодательства о юридических лицах и корпоративно-правовой доктрине прекращение полномочий коллегиального органа принято именовать изменением состава коллегиального органа, а не его последующим формированием. В связи с этим следует отметить, что в соответствии с ч. 6 п. 3 ст. 118 ГК попечительский совет фонда – орган, осуществляющий контроль за деятельностью фонда, который формируется учредителями (учредителем) при учреждении фонда, а в дальнейшем, если это предусмотрено уставом фонда, – правлением (советом) фонда. Таким образом, законодатель напрямую указывает на правомочие правления не формировать попечительский совет, а изменять его состав в дальнейшем.

В соответствии с п. 50 Положения о фондах учредитель обозначен в качестве субъекта, который правомочен обратиться в суд с заявлением о ликвидации фонда. При этом, исходя из системного смысла ст. 32 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2026 г. № 150-З «О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования (далее – Закон о государственной регистрации), ликвидация юридических лиц на основании решения суда не является добровольной и должна осуществляться по конкретным основаниям, прямо предусмотренным законодательными актами. При этом фонд с точки зрения ч.ч. 1 и 2 п. 50 Положения о фондах представляет собой организацию, создание которой

носит безотзывный характер. Ликвидация фонда возможна только по решению суда и рассматривается как исключительный акт, последствием которого является расходование средств фонда на его цели вне данной организации, в т. ч. посредством распределения этих средств между другими аналогичными фондами.

Целью данной работы является системный анализ ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК и п. 50 Положения о фондах, направленный на уяснение вопроса о наличии или отсутствии у учредителя фонда правомочий по изменению состава правления данной организации после завершения ее создания и на инициирование ликвидации фонда в судебном порядке.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Системное толкование правил ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК и п. 50 Положения о фондах о порядке формирования правления и о ликвидации фонда зависит, прежде всего, от правильного уяснения правового статуса учредителя фонда.

Отмечая очевидные различия в правовом статусе отдельных видов коммерческих и некоммерческих организаций, необходимо сделать акцент на следующем сходстве: изменение статуса всех юридических лиц, кроме фондов, поставлено в зависимость от индивидуальной и (или) коллективной воли инвесторов (собственников, участников, акционеров) или вносителей членских взносов, которые хотя и не наделяются статусом инвесторов, но выполняют аналогичные экономические и правовые функции. Как справедливо отмечает Камышанова А. Е., особенностью фонда, отличающей его от большинства других коммерческих и некоммерческих организаций, является отсутствие членства в этой организации для любых субъектов, в т. ч. и учредителей [1, с. 49]. Эта особенность вытекает из императивного правила, закрепленного в ч. 1 п. 1 ст. 118 ГК, представляющего собой легальную дефиницию фонда. В то же время согласно ч. 5 п. 1 ст. 118 ГК денежные средства (имущество), вкладываемые учредителями в качестве взносов, признаются собственностью фонда. Соотношение двух указанных норм позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии у учредителей фонда как вещных, так и обязательственных прав на имущество фонда. В связи с этим Солдатов В. И. обоснованно делает акцент на отсутствии у учредителей фонда каких-либо имущественных прав в отношении имущества данной организации [2, с. 88].

Более того, исходя из явного отсутствия у учредителя фонда каких-либо прав на обособленное имущество, можно сделать неочевидный, но значимый вывод о том, что учредитель не обладает титулярным основанием для участия в управлении имуществом фонда. При этом согласно ст. 118 ГК учредитель не является ни собственником, ни членом (участником) фонда. Поэтому необходимо отметить, что статус учредителя и статус члена (участника) любого юридического лица неравнозначны. Неравнозначность статуса учредителя и участника основывается на содержании ряда норм законодательства, в частности, ст. 13 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах), а также ст.ст. 17, 18, 23 и 24 Закона о государственной регистрации.

Ключевым различием статуса учредителя и участника (члена) организации является направленность регламентации на наделение правами, необходимыми соответственно для создания (учреждения) организации и для удовлетворения имущественных и иных потребностей с помощью организации, в т. ч. посредством участия в управлении ею.

При этом, как справедливо отмечает Гончарова М. В., в отличие от учредителей хозяйственного общества и ряда других организаций, учредители фонда не становятся его участниками или членами [3, с. 97]. Таким образом, исходя из содержания ст. 118 ГК, можно сделать вывод о том, что правление фонда представляет собой сформированный учредителем аналог собрания участников или членов, прекращение полномочий которых не представляется возможным и обоснованным иначе, чем в силу определенных оснований по решению суда или во внесудебном порядке. К сожалению, такие основания не закреплены в нормах ГК. Восполнение данного пробела с помощью аналогии закона представляется обоснованным в силу недостаточного сходства статуса членов правления фонда и членов высших органов иных видов юридических лиц. Например, не представляется возможным применение по аналогии в отношении члена правления фонда правила ч. 3 ст. 103 Закона

о хозяйственных, предусматривающего в качестве оснований исключения участника из общества с ограниченной ответственностью в судебном порядке за грубое нарушение устава и препятствование деятельности общества.

Таким образом, после завершения процесса создания фонда учредитель, который не вошел в состав правления, становится по отношению к данной организации сторонним субъектом. Вместе с тем правление (совет), являющееся высшим органом фонда, согласно ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК формируется учредителем, но при этом учредитель, в отличие от собственника имущества унитарного предприятия или учреждения, не наделяется какими-либо правами, которые в том или ином аспекте подчиняли бы фонд воле его учредителя. В отношениях, складывающихся по поводу управления унитарными предприятиями и учреждениями, подчинение указанных организаций воле сторонних субъектов, не входящих в их органы управления, вытекает из содержания положений ст. 113 ГК. В этом контексте Функ Я. И. справедливо делает акцент на отсутствии у собственника имущества унитарного предприятия статуса высшего органа управления [4, с. 86]. В то же время правило ст. 113 ГК возлагает функцию управления унитарным предприятием не только на его единственный орган управления (директора), но и на собственника имущества (учредителя или его правопреемника) – «внешнего субъекта». Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что право на участие в управлении организацией может быть основано на членстве в организации или на праве собственности на ее имущество.

Таким образом, учредитель фонда не обладает какой-либо совокупностью полномочий, которые можно было бы квалифицировать как элементы, образующие его право на участие в управлении фондом в универсальном понимании данного права.

Право на участие в управлении основывается на подотчетности органов управления юридического лица вышестоящему органу или «внешнему субъекту». Реализация указанного права должна основываться на результатах анализа данных, выраженных в отчетах или полученных в связи с осуществлением контроля в той или иной форме. Поэтому следует констатировать подотчетность органов юридических лиц тем вышестоящим органам управления или внешним субъектам (собственникам имущества), которые наделены правомочием

по прекращению полномочий или изменению состава соответствующих органов. Например, согласно п. 6 ст. 113 ГК собственник имущества унитарного предприятия правомочен не только назначать директора, изменять и прекращать с ним трудовой договор, но также осуществлять контроль за деятельностью унитарного предприятия, использованием по назначению и сохранностью имущества, принадлежащего унитарному предприя-

тию. Из содержания указанной нормы не вытекает однозначного ответа на вопрос, является ли осуществление контроля за деятельностью унитарного предприятия правом собственника его имущества или вменяется ему в обязанность. Однако собственник имущества наделяется правом на прекращение полномочий директора вместе с функцией контроля за качеством управления унитарным предприятием со стороны последнего, что подразумевает принятие решения о прекращении полномочий директора именно по результатам реализации собственником контрольной функции. В соответствии со ст. 34 Закона о хозяйственных обществах собрание участников хозяйственного общества, к исключительной компетенции которого указанной нормой отнесено прекращение полномочий членов совета директоров, утверждает годовые отчеты и балансы.

Однако из содержания ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК возникает вопрос о допустимости констатации наличия у учредителя фонда не универсального права на участие в управлении, а сингулярного правомочия по изменению состава правления после первоначального формирования данного органа в отсутствие наделения его иными полномочиями управленческого характера.

Обоснованный ответ на данный вопрос зависит от правильного понимания правовой природы управления организацией и ее имуществом.

Согласно точке зрения Шиткиной И. С., корпоративное управление – это совокупность способов воздействия или процесс, с помощью которого организуется деятельность корпорации [5, с. 153]. Иными словами, корпоративное

управление следует рассматривать как процесс, осуществляемый разными способами, предусмотренными законом, а не только посредством наделения определенного органа или лица совокупностью прав, определяющих юридическую судьбу организации по примеру собрания участников общества или собственника имущества унитарного предприятия. В связи с этим следует также обозначить позицию Гутникова О. В., согласно которой любой орган юридического лица – это, по сути, всего лишь технико-юридическое обозначение определенных компетенций и набора полномочий, которые осуществляют назначенные в установленном порядке лица [6, с. 57]. Иными словами, в корпоративном управлении следует разделять функции формирования (изменения состава) органов управления и реализацию данными органами их уставной компетенции. Исходя из данного утверждения, можно заключить, что полномочием по формированию того или иного органа управления может быть наделен субъект, который не правомочен управлять соответствующей организацией.

Таким образом, учредитель фонда не наделен законом правом на участие в управлении данной организацией, но это не означает, что он не правомочен изменять состав правления фонда.

На наш взгляд, определяющее значение для разрешения вопроса о восполнении рассматриваемого пробела в правиле п. 3 ст. 118 ГК о наличии или отсутствии у учредителя фонда права не только на первоначальное формирование правления, но и на изменение его состава имеет не титул,

не право на участие в управлении, а право контроля за деятельностью организации.

Функция контроля за деятельностью фонда в соответствии с ч. 4 п. 3 ст. 118 ГК возложена на правление (совет). Именно к исключительной компетенции правления отнесено утверждение годового отчета и годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности фонда. Непосредственный контроль за дирекцией фонда возлагается на попечительский совет. Однако в соответствии со ст. 1 Закона о государственной регистрации и ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон о предотвращении легализации) учредителя фонда следует признавать первичным бенефициарным владельцем на том основании, что образование фонда следует рассматривать как инструмент финансирования учредителем проектов, отвечающих его имущественным или неимущественным интересам.

Похожий статус – статус бенефициарной аффилированности – может быть усмотрен также из содержания положений о группе лиц, содержащихся в ст. 8 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». При этом по смыслу ряда норм Закона о предотвращении легализации на бенефициарного владельца возлагается обязанность по предотвращению расходования вложенных им средств на запрещенные законодательством цели, т. е. контроля за целевым использованием этих средств. Согласно ст. 118 ГК, создавая фонд, учредитель вправе рассчитывать на целевое расходование средств данной организацией. Поэтому следует согласиться с мнением Бондаренко Н. Л., Конаневича Ю. Г. и Гавриленко А. В. о необходимости разделять функции управления хозяйственной деятельностью фонда и контроля за целевым расходованием средств данной организации [7, с. 34–38]. При этом учредитель фонда наделяется правом контроля исключительно за целевым расходованием средств и лишен права на участие в управлении имущественным комплексом фонда в процессе осуществления его хозяйственной деятельности, а также права

контроля за финансовыми и иными результатами данной деятельности. В связи с этим следует обозначить две значимые правовые проблемы.

1 Частичное смысловое расхождение правил ст.ст. 118, 119 ГК и ст. 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях), исключающее распространение норм этого Закона на вложение имущества в некоммерческие организации, в отношении которых их учредители (участники) не имеют права собственности. Согласно ст.ст. 118 и 119 ГК фонд следует относить к категории таких организаций, в которых инвестиционная составляющая однозначно преобладает над личной (деятельностной). При этом основанный на положениях ст.ст. 118 и 119 ГК законный интерес учредителя, состоящий в целевом использовании средств фонда, на наш взгляд, должен быть обеспечен гарантиями, предоставляемыми инвесторам, с учетом безотзывного характера образования фонда и безвозвратности вложенных средств. Как справедливо отмечает Каменков В. С., в легальной дефиниции инвестиций, закрепленной в ст. 1 Закона об инвестициях, в качестве цели инвестиций, наряду с извлечением прибыли, обозначено достижение иного, значимого для инвестора результата [8].

2 Сложность разграничения фактов запрещенной для учредителя вмешательства в хозяйственную деятельность фонда и осуществления контроля за целевым расходованием средств фонда, который учредитель, напротив, обязан осуществлять. Следствием этой проблемы является ряд сложно разрешимых вопросов правоприменительного характера, в частности, вопроса о наличии или отсутствии у учредителя фонда права на инициирование аудита достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности фонда и (или) допустимых объемах такового.

Указанные проблемы не могут быть разрешены без совершенствования норм действующего законодательства. Однако рассмотренные пробелы в правовом регулировании отношений, складывающихся по поводу изменения состава правления фонда и его ликвидации, по нашему мнению, могут быть восполнены исходя из содержания норм действующего законодательства.

Представляется, что, восполнить пробел в регулировании правомочия по изменению состава правления фонда возможно посредством аналогии закона, а именно в результате применения

следующих положений о правах третьих лиц в корпоративных правоотношениях:

1) п. 5 ст. 89, ч. 2 п. 1 ст. 101, ч. 2 п. 7 ст. 113 ГК и ч. 5 ст. 28 Закона охозобществах, предусматривающие права кредиторов хозяйственного общества или унитарного предприятия на досрочное исполнение или прекращение обязательства, которые возникают в связи с уменьшением уставного фонда;

2) ст. 56 ГК, в силу которой предусматриваются аналогичные права кредиторов, возникающие в связи с реорганизацией юридического лица.

По смыслу ст.ст. 118 и 119 ГК учредитель фонда обладает по отношению к фонду правом требования принятия возможных мер по достижению уставных целей данной организации. Исходя из легальной дефиниции фонда, закрепленной в п. 1 ст. 118 ГК, фонд следует рассматривать как организацию, создаваемую учредителем для достижения не только общественно значимых (публичных) целей, но и для косвенного удовлетворения частных потребностей учредителя. Под имущественными потребностями следует понимать финансирование фондом проектов, выгодоприобретателем от успешной реализации которых может стать как сам учредитель фонда, так и коммерческие организации с его преобладающим участием. Под неимущественными потребностями учредителя фонда следует понимать возможное позитивное влияние на его деловую и общественную репутацию, которое может оказать финансирование общественно значимых проектов. Таким образом, несмотря на очевидные различия и ряд сложностей, связанных с обоснованием квалификации наличия у учредителя права требования к фонду по совершению действий имущественно-управленческого характера, нельзя отрицать очевидное сходство правового положения указанного субъекта с кредитором в классическом обязательстве.

При этом право, имеющее сходство с правом кредитора, должно иметь аналогичные способы защиты.

Наделение учредителя правом на осуществление контроля за целевым расходованием средств фонда на основании п. 1 ст. 118 ГК следует квалифицировать не только как право на иск о понуждении фонда к целевому использованию средств, а как совокупность правомочий, позволяющих учредителю реализовать все предусмотренные законом меры по предотвращению и устранению нецелевого использования средств фонда. К таким мерам следует относить, в частности, изменение состава правления и обращение в суд с иском о ликвидации фонда.

Это как раз и означает, что учредитель фонда правомочен не только формировать правление на этапе создания фонда, как это прямо предусмотрено п. 3 ст. 118 ГК, но и изменять его состав, несмотря на отсутствие у учредителя как вещных и обязательственных прав в отношении фонда, так и права участия (членства).

Таким образом, право учредителя на изменение состава правления является не только инструментом реализации права контроля, но и средством защиты (гарантией) законного интереса указанного субъекта, состоящего в осуществлении фондом мер, направленных на достижение его уставной цели.

Однако особенностью указанного права в сравнении с аналогичными правами является повышенная вероятность его реализации учредителем в ущерб общественным интересам, а именно интересам как вкладчиков фонда, не являющихся его учредителями, так и адресатами средств указанной организации в рамках реализуемых ею целевых программ. Злоупотребление учредителем правом на изменение состава правления может исключить или существенно осложнить достижение общественно полезных целей фонда. Согласно п. 1 ст. 118 ГК фонд является организацией, предназначенной для удовлетворения общественных интересов с помощью государственной или частной имущественной инициативы. В соответствии с ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК основной функцией правления (совета) фонда является обеспечение соблюдения фондом целей, для достижения которых он создан. При этом защита интересов самого фонда, его вкладчиков и адресатов целевых программ осложнена рядом правовых проблем, наиболее значимой из которых является проблема установления причинной связи между злоупотреблением

учредителя правом на изменение состава правления и утратой (осложнением) возможности достижения уставной цели фонда. Данная сложность обусловлена как опосредованным характером влияния на результаты управления фондом решений учредителя об изменении состава высшего органа, так и исключительной зависимостью оценки влияния указанного решения на экономический потенциал соответствующей организации от направленности изменений ее имущественного комплекса. Например, следствием частого изменения состава правления может стать несвоевременное принятие органами фонда мер по изменению направлений и планов его хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, повлечет утрату (уменьшение) возможности финансирования общественно полезных программ. Однако констатация наличия причинной связи между несвоевременным изменением направлений деятельности (планов) фонда и утратой возможности финансирования крайне проблематична в отсутствие оценки имущественного потенциала данной организации.

Необходимо отметить, что без специальных правовых критериев оценка влияния на достижение уставной цели любых актов корпоративного управления, а тем более таких, как решение учредителя об изменении состава правления фонда, не может обладать достаточной объективностью, т. к. в таком случае не представляется возможным определить характер воздействия указанных актов на функциональное назначение имущественной массы организации, обусловленное, прежде всего, соотношением объектов, составляющих имущественный комплекс организации.

По нашему мнению, такая оценка может быть объективной только при законодательном закреплении положений об имущественном комплексе организации, его функциях и критериях определения негативной направленности изменений состава и стоимости обособленного имущества юридического лица.

Вторым вопросом, также обусловленным правовым пробелом в ст. 118 ГК, является вопрос о наличии или отсутствии конкретных оснований

возникновения права учредителя на обращение в суд с заявлением о ликвидации фонда, которое, так же как и право на изменение состава правления, выделено указанной нормой из массива правомочий, связанных с существенным изменением статуса фонда. Иные права, влекущие существенное изменение статуса фонда, в частности, права на принятие решений о реорганизации фонда, об изменении его устава, о назначении директора (формирование дирекции), а также об изменении состава попечительского совета, безальтернативно отнесены положениями ст.ст. 118 и 119 ГК к компетенции правления, а не учредителя. При этом предусмотренная п. 50 Положения о фондах прерогатива суда, а не учредителя на принятие решения о ликвидации фонда означает безотзывный, исключающий классическую добровольную ликвидацию характер создания фонда. Создавая фонд, его учредитель не просто передает ему имущество в собственность на безвозвратной основе ради достижения значимой цели, но и утрачивает возможность произвольного прекращения деятельности данной организации.

На наш взгляд, восполнять пробел в регламентации оснований ликвидации фонда по решению суда по заявлению учредителя и иных заинтересованных лиц необходимо исходя из наделения учредителя правом контроля за целевым расходованием средств. Основанием для ликвидации фонда по решению суда по заявлению учредителя следует считать значительное неустранимое нецелевое расходование средств фонда или утрату фондом финансовых и иных возможностей для достижения уставных целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в содержании ч. 3 п. 3 ст. 118 ГК не следует усматривать наделение учредителя фонда универсальным правом на участие в управлении фондом. Однако в силу наделения учредителя правом контроля за целевым расходованием средств фонда его необходимо рассматривать в качестве субъекта, правомочного изменять состав правления.

В статье 2 ГК закреплён принцип приоритета общественных интересов. В соответствии с данным принципом осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе

и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. При этом возникает проблема установления причинной связи между возможным злоупотреблением учредителем правом на изменение состава правления и утратой (осложнением) возможности достижения уставной цели фонда.

Указанная проблема может быть решена посредством законодательного закрепления положений об имущественном комплексе организации, его функциях и критериях оценки экономической результативности.

Целью признания имущественного комплекса организации в качестве сложного консолидированного объекта корпоративных управленческих прав, на наш взгляд, является создание правовой базы, обеспечивающей возможность единообразной констатации фактов ущемления имущественных интересов организации, ее участников или бенефициаров, посредством формирования системы условий (критериев) отнесения актов корпоративного управления к категории заведомо неблагоприятных.

Кроме того, для обеспечения единообразного применения п. 50 Положения о фондах целесообразно прямое законодательное закрепление основания для ликвидации фонда судом по заявлению учредителя, поданному в связи с нецелевым использованием средств фонда.

Список источников

1. Камышанова, А. Е. Трансформация фонда как организационно-правовой формы некоммерческой организации / А. Е. Камышанова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – № 2. – С. 48–51.
2. Солдатова, В. И. Новеллы гражданского законодательства о фондах / В. И. Солдатова // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 11. – С. 87–93.
3. Гончарова, М. В. Фонд как унитарная некоммерческая организация / М. В. Гончарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2014. – № 4. – С. 96–103.
4. Функ, Я. И. Общество с ограниченной ответственностью. Общество с дополнительной ответственностью : коммент. к Закону Республики Беларусь № 14 «О хозяйственных обществах» : в 5 кн. / Я. И. Функ. – Минск : Ред. журн. «Промышленно-торговое право»,

2008. – Кн. 1 : Понятие, внутренняя природа, история и теория ООО и ОДО. – 208 с.

5. Шиткина, И. С. Правовое обеспечение корпоративного управления / И. С. Шиткина // Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. Т. 2 / Е. Г. Афанасьева [и др.]; отв. ред. Шиткина И. С. – М. : Статут, 2018. – Гл. 12. – С. 150–261.

6. Гутников, О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях / О. В. Гутников // Вестник гражданского права. – 2014. – № 6. – С. 51–117.

7. Бондаренко, Н. Л. Система корпоративного управления как ключевой элемент управления хозяйственной деятельностью фонда / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, А. В. Гавриленко // Юстиция Беларуси. – 2025. – № 10. – С. 31–40.

8. Каменков, В. С. Закон об инвестициях нуждается в совершенствовании / В. С. Каменков // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02101717&q_id=4344167 (дата обращения: 21.10.2025).

Материал поступил в редакцию 18.12.2025

D. I. MIKHAILOV

The founder's rights to form the foundation managing board and to initiate its liquidation: implementation limits

This article provides a systematic analysis of the legal norms governing the status of a foundation, which regulate the founder's authority to form an executive management (board of directors), which is the highest governing body, as well as to initiate a judicial dissolution of that non-profit organization. The conclusion is being substantiated on accrual of the founder's right for production before court with a petition for dissolution of the foundation over impossibility of achieving statutory purposes. Attention is focused on the problem of establishing the fact of loss of the capability of achieving the statutory purposes of the foundation owing to the founder's abuse of the right to change the composition of the board.

Keywords: *foundation, founder, legal entity, non-profit organization, investments, governing bodies, board, formation, change of composition, liquidation, dissolution.*

Рецензент: КОВАЛЕВА Е. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины